

Александр Бальбердин

СКВОЗЬ ВООКОВЫЙ ЛЕС

РОМАН-ОБРЕТЕНИЕ

Александр Балыбердин

**Сквозь Вооковый
лес. Роман-обретение**

«Издательские решения»

Балыбердин А. Г.

Сквозь Вооковый лес. Роман-обретение / А. Г. Балыбердин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937783-8

Эта книга о том, что одни люди еще при жизни становятся мертвецами, а другие и после смерти живут. Почему так происходит и можно ли, пройдя «Сквозь Вооковый лес», остаться живым и человеческим? Как не потерять себя, а если это все же случилось, обрести снова? Об этом рассказывает роман, в котором нашлось место детективу и фэнтези, смелым прогнозам и глубоким чувствам, вере, надежде и настоящей любви. Захватывающая история, которая будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-937783-8

© Балыбердин А. Г.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1. Наследница Буквы	6
Глава 2. Смотри, что будет дальше!	9
Глава 3. Пашка	13
Глава 4. Контра!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сквозь Вооковый лес Роман-обретение

Александр Геннадьевич Балыбердин

*Посвящается моим дочерям
Анастасии и Александре*

*Я пришел для того, чтобы имели жизнь
и имели с избытком
Ин. 10, 10*

© Александр Геннадьевич Балыбердин, 2018

ISBN 978-5-4493-7783-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Наследница Буквы

– Ну, что, элита? Вздрогнем!

Клаус Штольц [1], староста выпускного курса 2230 года с фигурой атлета, лучезарной улыбкой и хваткой ротвейлера стремительно поднялся со своего места с бокалом *Romane-Conti*, безумно дорогим даже для случая, собравшего за одним столом два десятка дипломированных ИТ-архитекторов [2].

Уже через секунду в комнате не осталось никого, кто бы продолжал сидеть. Однокурсники, с шумом отодвинув стулья, смеясь и толкаясь, вскочили с мест. Но, когда рыжеволосый торопыга Джилрой Уолш первым опрокинул свой бокал, староста резким движением руки остановил остальных:

– Не захлебнись, Джил! Напиться мы еще успеем! – Уолш от неожиданности поперхнулся, и по рядам товарищей прокатился язвительный смех. – А сейчас, досточтимые дамы и господа ... – староста щелкнул пальцами, изобразив подобие барабанной дроби, – разрешите объявить конкурс на лучший тост!

Штольц обвел стол взглядом в поисках того, что могло бы сойти за приз, заметив бутылку *Montrachet* [3]. Однако не успел он произнести и слово, как Джон Рэббит [4], внук декана, шустрый, но бестолковый малый, выкрикнул первое, что пришло ему в голову:

– За Университет!

Однокурсники словно по команде, как солдаты на параде, повернули головы и посмотрели на старосту.

– Расслабься, Джонни! Ты не на экзамене! – небрежно бросил Штольц, слова которого потонули в усмешках друзей.

– За Империю? – не столько предложил, скорее, робко и почему-то виновато, спросил Вальтер Штерн [5], но, бросив взгляд на друзей, понял, что ошибся.

– За нас! Нашу карьеру и баблосы! – как всегда, толи в шутку, толи всерьез, прокричал с конца стола Стив Кертис [6], любимчик женской половины курса, вызвав девичий смех и одобрительные возгласы мужчин.

Староста улыбнулся.

– Теплее, Стив! Гораздо теплее! Но я хочу, чтобы было по-настоящему горячо, и не так ... – староста брезгливо скривил лицо, словно нечаянно задел салат краем своей ослепительно-белой сорочки, – ... примитивно. Все же мы – «элита», «надежда и опора Империи»!

Штольц напомнил слова, которыми сегодня щедро сыпали все, от ректора до последнего аспиранта, распираемого гордостью оттого, что он также причастен к избранному кругу. Однако двусмысленность, с которой эти слова были произнесены, вызвала новые ухмылки и смешки. Когда же, наконец, они смолкли, и в комнате на какое-то время воцарилась тишина, женский голос спросил:

– Можно мне попробовать?

Все повернулись на голос, к окну, за которым в лучах заходящего солнца была видна перспектива *Unter den Linden* [7], и заметили Хиллари Айзен [8], «заучку» и «серую мышку», настоящее имя которой многие уже забыли.

– А почему бы нет? – вопросом на вопрос ответил Штольц.

– Давай, Хиллари, зажги! – прогремел глубокий и бархатный бас Ганса Шафе [9], не раз доводивший до обморока влюбленных однокурсниц.

– Надо же! «Мышка» умеет говорить! А я думала, что она немая! – прыснула одна из них.

Но шутников никто не поддержал. Хиллари Айзен подошла к столу, взяла свободный бокал и, подняв его, смущенно произнесла:

– За Цифру – наследницу Буквы!

– Что она сказала? Наверное, какую-то очередную глупость! Я не слышала! Айзен, скажи еще раз! Громче! – раздалось со всех сторон.

– За Цифру – наследницу Буквы! – повторила девушка.

Сокурсники переглянулись.

– Не умничай, Айзен! Ты же слышала – мы не на экзамене! – первым попытался отшутиться задавака Кертис. Но никто не засмеялся, все смотрели на старосту.

Штольц ухмыльнулся и покачал головой, как будто смакуя посетившую его мысль, наполнил до краев бокал и совершенно серьезно, без доли ехидства произнес:

– А ведь «Мышка» права! Определенно права!

В комнате воцарилась недоуменная тишина, среди которой неожиданно громко и резко прозвучал женский голос:

– Да, отстань ты! Надоел! Дай послушать умного человека! – это первая красавица курса Камилла Рескиер [10] в очередной раз попыталась поставить на место своего подвыпившего ухажера.

Штольц поднял бокал и обвел взглядом собравшихся.

– Друзья! Я не буду спрашивать, надоели ли вам лекции и зачеты, учебники и конспекты, параграфы и буквы, от которых всех нас уже давно тошнит.

По рядам прокатился гул одобрения, в котором главную партию исполняли мужские голоса.

– И все же! – воскликнул Штольц. – Задумайтесь, если бы не все эти буквы, миллионы букв – кем бы мы были?

Вопрос повис в воздухе, но лишь на мгновение, потому что чей-то веселый и уже нетрезвый голос выдохнул:

– Свинопасами!

– Хорошо бы! – парировал Штольц. – Только в наши дни даже свинопасы умеют читать и писать.

– Тогда свиньями! И еще можем стать таковыми! – воскликнул тот же голос, и над дальними рядами взметнулась рука с бутылкой бургундского. Это был Джилрой Уолш, которому уже давно хотелось перейти от слов к делу.

– Ну, что же! *JedemdasSeine!* [11]

Слова старосты вызвали улыбки у стоявших рядом выпускников.

– Подожди, Клаус! Я что-то не пойму, – вмешался в разговор Шафе, не упустивший случая поддеть старосту, с которым у него давно были свои счеты. – Ты только что хвалил буквы, а пить предлагаешь за цифры? Как-то странно получается, – развел руками Шафе и, повернувшись к своей спутнице, словно невзначай, но достаточно громко для того, чтобы могли услышать другие, спросил. – А, может, у них с «заучкой» Айзен, просто, «шуры-муры», вот они друг друга и выгораживают?

По рядам прокатился смех.

– А ты сам подумай, Ганс, – невозмутимо ответил Штольц и негромко, в полголоса, добавил. – Конечно, если есть чем.

Последние слова означали вызов. Шафе рванулся вперед, но лишь для того, чтобы обозначить желание намять обидчику бока. Не более. Поскольку староста был не робкого десятка, и исход схватки мог оказаться в его пользу.

Между тем, Штольц продолжил:

– Тем же, кто не хочет быть свиньями и стремиться достигнуть чего-то большего, я предлагаю тост.

Староста ловким движением ноги пододвинул стул и, вскочив на него, как на пьедестал, поднял бокал.

– Быть может, двести или даже сто лет назад, как и вы, я также посмеялся бы над тостом Айзен, но не сегодня. Нет, не сегодня! Когда с помощью простой последовательности цифр все написанные людьми книги, все накопленные человечеством знания можно уместить на конце иглы, и тот, кто ей владеет, по своей силе и могуществу может сравниться с великими богами древности.

Штольц приосанился и, вскинув над головой, невесть откуда, взявшуюся вилку, попытался изобразить Зевса или кого-то еще, направив острое воображаемого копья в Шафе, и, пока никто из остряков не сравнил его со стрелой Амура (и не зря, потому что эта мысль уже пришла в голову Кертису), продолжил:

– Поэтому я пью за Цифру – наследницу Буквы! Я пью за рейтинги и индексы, котировки и проценты, которые правят миром, рушат мировые рынки и империи! Я пью за оцифрованные монографии и романы, фильмы и картины, которые можно переписать, изменить или стереть простым нажатием кнопки! Я пью за цифру, которой незнакомы творческие муки художника и поэта, веселое журчание ручья и треклятые вечные вопросы. Цифру, избавляющую от ненужных споров и переживаний, лишних мыслей и чувств, но, как воздух, необходимую для подсчета бабла, которого никогда много не бывает. Я пью за «датчики усердия», благодаря которым оплата труда впервые стала поистине справедливой! Я пью за электронные досье на граждан Империи, благодаря которым наша жизнь стала, как никогда, безопасной и стабильной! Я пью за наше будущее – возможно, однообразное и скучное, но зато сытое и комфортное! Я пью за Цифру – наследницу Буквы!

Тостующий опрокинул бокал и с силой ударил им об пол, рассыпав тысячу ярких брызг.

– За Цифру – Наследницу буквы! – почти хором отозвались однокурсники и, оглушив друг друга звоном битого стекла, поставили в выпускном вечере громкую точку.

– А сейчас всех, кто требует продолжения шоу, приглашаю в мое скромное, холостяцкое жилище! – крикнул Штольц, перекрывая женский смех и восклицания собравшихся, спрыгнул со стула и обратился к стоявшему у дверей коренастому юноше с легкой проседью в черных как смоль волосах. – Поль, ты с нами?

Юноша не ответил. Он отстраненно смотрел перед собой, словно не замечая происходящего в комнате.

– Ау? Поль! – староста шелкнул пальцами перед лицом приятеля. – Ты где?

– Все в порядке! – смутился юноша. – Просто я немного задумался.

– Да что с вами такое! – Штольц театрально развел руками. – Ну, ладно, «заучка» Айзен! Она уже давно повернутая! Но ты же – нормальный мужик! Мне ваше «думание» вот уже где! Но все! *Causa finita est!* [12]

Староста выразительно провел пальцем по горлу, плеснул в бокал бренди, осушил его одним глотком и громко, желая привлечь внимание однокурсников, воскликнул.

– Слушайте все! Я иду пить! Он идет пить! – Штольц ткнул пальцем в грудь стоявшего рядом Уолша. – Мы все идем пить! Потому что мы это заслужили. Вперед, Джил! Твое время пришло!

– Я лишь хотел спросить... – начал Поль, но друг сгреб его в охапку, не дав сказать больше ни слова.

– Идем! Там и спросишь. Конечно, если... сможешь, – рассмеялся Штольц и, едва ли не силой, увлек приятеля за собой в сумерки, опустившиеся на главный город Империи.

Глава 2. Смотри, что будет дальше!

Пока однокурсники упражнялись в красноречии, Поль Марш [13] стоял чуть поодаль, у входных дверей, чувствуя себя, так, словно, бродя по бесконечным коридорам телецентра, он случайно заглянул на съемки какого-то шоу или спектакля, в котором даже самые близкие, хорошо знакомые ему люди ведут себя, по крайней мере, странно.

В течение пяти последних лет он делил с Штольцем съемную комнату на *Merkelstraße* [14] и, казалось, знал своего компаньона, как никто другой. Но каждый раз не переставал удивляться тому, насколько многоликим, в зависимости от ситуации, мог быть друг. Поля почему-то это смущало, а вот Клаус, наоборот, иногда одновременно играл с десятков ролей, моментально переключаясь с одной на другую. Подобно тому, как компьютер, повинуясь командам оператора, в долю секунды сворачивает все окна и приступает к выполнению новой программы.

Так было и на этот раз, когда гости разошлись, и друзья, наконец, остались одни.

– Мы тут болтали о буквах и цифрах. Так что тебя смутило? – словно невзначай заметил Штольц, закрывая дверь за таксистом, вызванным вывезти почти бездыханное тело Джилроя Уолша, явно не рассчитавшего своих сил.

Поль удивился, что приятель помнит о незаконченном разговоре.

– Просто, раньше я никогда не думал о том, что они дают власть.

– Цифры и буквы? – Клаус усмехнулся. – А зачем же они еще нужны? Хотя, погоди! Дай, я догадаюсь?

Штольц напустил на себя глубокомысленный вид, хотя было ясно, что он ерничает.

– Зачем нужны буквы? Наверное, для того чтобы... писать стихи и романы? Ты об этом подумал? Признайся! Подумал?

Штольц засмеялся и слегка ткнул Поля кулаком в плечо.

– Ну, не хочешь отвечать – не надо. Только вспомни своих однокурсников и скажи, многие ли из них пишут стихи? Только честно! А романы?

Вопрос повис в воздухе.

– А вот в магазин они ходят каждый день, и знают, что без денег там делать нечего! А что дает нам власть и деньги? – Клаус подвинул бокал. – Правильно! Цифры и буквы! И, чем более сложные комбинации из них ты научился складывать, тем больше власти и денег они приносят.

Поль попытался возразить, но приятель его снова опередил.

– Вот только не надо! Не говори, что ты об этом не знал! Не знал, что именно поэтому все эти бездари лезут в университет. Не для того, чтобы заниматься наукой, делать открытия, сочинять, изобретать, творить, – Штольц театрально взмахнул руками. – Нет, мой дорогой! Все, что их интересует – это власть и деньги, цифры и буквы. А ты говоришь – стихи!

Клаус одним глотком осушил бокал.

– Еще сомневаешься? Требуешь доказательств? Изволь!

Штольц поставил бокал на стол и неожиданно серьезно спросил.

– Вот, скажи, сколько тебе надо? Для счастья.

– Надо чего? Ты о чем? – переспросил Поль.

– Да, уж, не о стихах! – засмеялся Штольц. – Ну, ладно! Не буду тебя мучить. Десяти тысяч хватит?

– Это же огромная сумма!

– Для кого как! Бывало и побольше, – заметил приятель и, достав из кармана электронный планшет, начал прокручивать закладки на экране. – Нет, не то! Снова не то!

Штольц так увлекся, что, казалось, совсем забыл о друге.

– Холодно! Опять холодно! А вот это уже горячее! Вот, посмотри! – он протянул Полю планшет. – Какой-то лох в Софии продает старый велосипед.

- Зачем мне велосипед! Да еще в Софии!
- Сейчас поймешь.

Клаус еще немного порылся в настройках, активировал громкую связь, набрал номер, откашлялся и ровным участливым голосом, так, словно до этого не было выпито ни капли спиртного, спросил.

– Алло! Это господин Добруш? [15] Да, да! Я звоню по объявлению. Вы еще продаете велосипед? И в каком он состоянии? Есть царапины? Ну, это для нас не так важно. – Штольц заговорщически подмигнул другу. – Видите ли, господин Добруш, наша фирма шествует над детским приютом. Сами понимаете, время сейчас непростое, каждый цент на счету. Да, да! Для детей. Ну, что Вы, господин Добруш! Нет! Нет! Мы не можем принять от Вас такой подарок. При всем уважении ... – Клаус прикрыл микрофон рукой и наклонился к Полю. – Говорит, что готов отдать свою развалюху бесплатно. Идиот! Однако же поверил! Смотри, что будет дальше!

Штольц еще раз подмигнул и продолжил разговор.

– Мы так благодарны! И все же не можем принять Ваш дар. Отчетность и все такое. Сами понимаете. Да, мне эта бюрократия тоже не по душе. Согласен. Согласен. Нет. К сожалению, сам я приехать не смогу. Дела! Но мой заместитель, господин ... – Штольц на мгновение задумался – ... Бетрюгер завтра будет в Софии, заглянет к Вам и заберет велосипед, а деньги я переведу прямо сейчас. Надеюсь, Вы умеете пользоваться мобильным банком? Нет? И никогда им не пользовались? Ничего! Это не сложно! Я помогу!

Штольц собрался, словно приготовился к решительному прыжку.

– Введите Ваше имя и дату рождения! А теперь справа, в верхней части экрана найдите такую маленькую звездочку и кликните по ней. Сделали? Очень хорошо! А теперь немного подождите. Сейчас я переведу деньги.

Поль с недоумением смотрел на друга, не понимая, что происходит, пока тот быстро выполнял с помощью своего планшета какие-то операции. Спустя минуту все было кончено.

– Благодарю Вас за ожидание, господин Добруш! Перевод сделан. Пожалуйста, проверьте поступление средств!

Штольц с трудом пытался удержаться от смеха, но спустя пару секунд резко переменялся. В его голосе зазвучали нотки удивления и даже испуга, который казался настолько искренним, что Поль даже начал переживать, не произошло ли чего-то страшного, непоправимого.

– Сколько Вы получили, господин Добруш? Сто тысяч? Не может быть! Это какая-то ошибка! Подождите, я должен проверить!

– Клаус! Откуда у тебя такие деньги? – не смог удержаться Поль, но приятель прикрыл микрофон рукой и, едва сдерживая смех, прошептал:

– Не переживай! Это не мои деньги, а его. Этот лох только что сам подключил меня к своему банковскому счету и, на наше счастье, он не так, уж, и беден. Наверное, всю жизнь откладывал себе на похороны? Сейчас его «гробовые» станут нашими!

Штольц убрал руку с микрофона. Всего лишь пара мгновений, и он снова был несчастным предпринимателем, который по ошибке перевел клиенту слишком большую сумму.

– Да, господин Добруш! Да, я знаю, что Вы честный человек. Как Вы можете вернуть деньги? Это несложно! Пожалуйста, сделайте перевод ... – друг выключил громкую связь и принялся что-то деловито объяснять своему собеседнику, после чего снова стал «добрым и пушистым». – Вы согласны? Слава Богу! Ведь Вы верите в Бога, господин Добруш? А как же! Какое счастье встретить единомышленника и честного человека! Сегодня это такая редкость! Да! Да! Сейчас я продиктую номер счета. Вы готовы записать?

Штольц полез в карман, извлек из него бумажку с длинным рядом цифр и принялся диктовать, а Поль сидел рядом и молчал, наблюдая, как друг, в его присутствии, со знанием дела и явно не в первый раз, обирает незнакомого, честного человека, виноватого лишь в том, что он не умеет пользоваться мобильным банком и не знает, что фамилия *Betrüger* переводится с немецкого как «обманщик».

Когда все было кончено, Штольц еще раз заверил собеседника, что завтра во второй половине дня курьер заберет велосипед, после чего попрощался и, не обращая внимания на ночь за окном, засобиравшись к ближайшему банкомату, чтобы побыстрее снять деньги и замести следы.

– Вот так, *mon ami naïf!* [16] – разгоряченный ловко провернутой авантюрой приятель не преминул дать Полю очередной урок. – Именно это мы и называем прогрессом и высшим ... – он выразительно ткнул в потолок указательным пальцем, – образованием! Ведь раньше, чтобы что-то у кого-то отнять – землю, замок, крестьян или красивую женщину – надо было собрать войско и выступить в поход. Да, еще не факт, что тебе самому не намнут бока. А сейчас – пять минут и готово! Конечно, если ты чуть больше других понимаешь в цифрах и буквах. Так что вовсе не зря «заучка» Айзен предложила за них тост. А ты говоришь – стихи!

Штольц звонко рассмеялся и исчез за дверью, оставив друга в опустевшей квартире. Когда, час спустя, Клаус не вернулся, Поль подумал, что, обналичив деньги, тот заглянул в какой-нибудь ресторан да там и остался, а, если так, то незачем попусту терять время и лучше лечь спать. Но сон не шел. В душе, как пчелы в улье, роились вопросы, перемешанные с событиями минувшего дня, и не оставили его даже, когда, проворочавшись пару часов, уже на рассвете, Поль наконец-таки провалился в сон.

Первое, что он ощутил, был запах – характерный, теплый, сухой, бодрящий и одновременно успокаивающий. Запах звал за собой. Поль доверился, сделал шаг и оказался в месте, которое, как и запах, показалось ему знакомым, словно пришедшим из детства, которого он не помнил. «Почему?» – эта мысль была последней перед тем, как сон окончательно овладел им, и Поль увидел себя стоящим на холме.

Вниз по пологому склону сбегала тропинка, со всех сторон окруженная деревьями с широкими, раскидистыми кронами, полными птичьей суеы. Поль пошел по ней, заметив, что, чем дальше тропинка спускалась с холма, тем больше вдоль нее попадалось гладких, безжизненных стволов, похожих на телеграфные столбы со старых фотографий. Все они, как две капли воды, были похожи друг на друга, словно изготовлены одной рукой, по одному шаблону.

Наконец, когда стволы обступили тропинку со всех сторон, Поль пригляделся и понял, что это люди, которые когда-то были деревьями, но превратились в столбы, на вид, блестящие и крепкие, но сгнившие у основания и потому непрочные.

Со временем начали попадаться упавшие столбы, чем дальше, тем больше, и вскоре прекрасный пейзаж превратился в кладбище из одинаковых, серых, изъеденных жуками, трухлявых, гнилых поленьев. Чудный запах, незаметно истончавшийся по ходу пути, окончательно пропал. Поль остановился и огляделся. Теперь весь мир вокруг был похож на кладбище или болото. Серое, грязное, вонючее.

Поль сделал шаг назад и наступил на гнилой, почти разложившийся ствол и, приглядевшись, с ужасом, пробравшим его до холодного пота, увидел – нет, даже не увидел, а каким-то образом почувствовал, узнал – в этом вонючем месиве из трухи и грязи... Клауса Штольца, а в другом, лежавшем рядом, но пока еще не таком трухлявом и все еще живом, себя! Тот же овал лица, те же брови и глаза, плечи и руки, похожие на старые, высохшие ветви. Ощущение было настолько ярким и убедительным, что не требовало никаких пояснений. Это был он – Поль! И это было по-настоящему страшно!

Неожиданно пришла мысль, что это всего лишь сон, и, чтобы кошмар пропал, надо проснуться. Поль сделал усилие и... не смог. Он попытался проснуться еще раз, но результат был тем же. И тогда Поль опустился на колени и заплакал. По-настоящему, как в детстве, которого он почему-то не помнил. Он плакал и плакал, и не видел, как одна из слезинок упала на умирающий ствол, и в том месте, где она упала, проклюнулся робкий зеленый росток, и голос, показавшийся удивительно родным и близким, позвал его необычным, но таким знакомым именем:

– Пашка!

Глава 3. Пашка

Сентябрь 1918 года выдался на Вятке дождливым и холодным. Уже пару раз пропархивал снег, но напугать никого не мог. Поскольку все знали, что снег ляжет не раньше праздника Покрова. Как было испокон веков. Хотя находились те, кто утверждал, что теперь, при новой власти, все будет по-новому. Сначала она ввела новый алфавит, затем календарь, а теперь добралась и до Бога. Никому не дает спуска – ни торгашам, ни кулакам-мироодам, ни бывшим царским чиновникам, ни попам. Старики говорят – это не к добру, а молодым даже интересно, что дальше будет?

Пашка провел рукой по запотевшему стеклу. За окном, в морозном, осеннем сумраке проступили очертания улицы и соседского дома, притулившегося на краю глубокого оврага, и за ним старой каменной церкви, в которой когда-то его крестили, после чего раз в год, на великое говение, водили к причастию.

Поначалу это даже нравилось. В церкви сладко пахло воском, красиво горели свечи, а после причастия певчие и, особенно, мать Манефа, всегда угощали печеньем и конфетами. Пока однажды, три года назад, старый поп не сказал, что теперь Пашка уже взрослый, вывел его из очереди, завел за киот с иконой Богородицы и, поставив перед лежащими на аналое Евангелием и крестом, спросил, чем тот согрешил. Пашка растерялся и ответил честно: «Не знаю». «Ну, так иди и подумай», – сказал поп и не допустил его к причастию, конфетам и печенью. Так было обидно! Особенно, когда поповский внук Михей с «крылоса» показал Пашке язык и хихикнул, как будто хрюкнул, а спустя неделю, на Светлой, сломал ногу. И поделом ему! Заслужил!

Но теперь все будет по-другому, по-новому! С утра по селу ходили гонцы, звали вечером, как стемнеет, прийти на берег, за храмом, поглядеть, как «попов стрелять будут». Еще вчера на пароходе из соседней Вятки прибыл карательный отряд. Человек десять, не больше. Почти все молодые, ровесники пашкиного брата. Главный у них комиссар с лошадиной фамилией. Суровый мужик! Родители шептались, что утром в логу, за рекой, комиссар самолично застрелил церковного старосту Василия Бетехтина. Якобы за растрату церковных денег. Хотя, что ему до них! Это понимает даже Пашка, а отец и подавно. «Тикать надо!» – вот и все, что он сказал. Да, только куда «тикать», если кругом одно и то же, и еще интересно, как «попов стрелять будут».

Постучали. За окном мелькнула стриженная голова. Сережка! Друг!

– Мамка! Можно во двор?

– Темно уже!

– Я быстро!

– Зипун надень!

– Я уже...

– Да, дверь не забудь закрыть!

Схватив в сенях два яблока, для себя и друга, Пашка стрелой вылетел на крыльцо, хлопнул дверью и взгляделся в сгущающийся сумрак.

– Так ты идешь или, может, трусил?

В темноте заглялись два ярких, вострых огонька – Сережкины глаза. Пашка не стал спрашивать, куда он зовет. Все и так было ясно.

– Когда?

– Через час. На берегу. За старым сараем. Говорят, что молодого попа из Сидоровки уже привели. Копает себе могилу. А старому Мишка Рябой еще днем нарочно ногу прострелил, чтобы не сбежал. За ним уже послали. Так ты идешь или нет?

Пашка пожал плечами.

– Отец, если узнает – убьет!

– Не убьет! – друг сделал шаг навстречу и тихо, одними губами произнес. – Твой батя, поди, уже там. Я сам видел, как он с мужиками шел к логу. Должно быть на ту поляну. Куда же еще? А мамка поворчит да простит. Ну, если и врежет мокрым полотенцем, так только пару раз. Ничего – потерпишь. Ты же теперь взрослый! – ухмыльнулся друг, теребя старую рану. – Пойдем, поглядим, как Михеева деда кончать будут! Да вот же он! Уже несут.

Сережка махнул рукой в темноту, туда, где по дороге, ведущей к реке, спускалась странная, многочисленная процессия, которую со стороны можно было бы принять за крестный ход. С той разницей, что идущие впереди люди несли на носилках не икону, а человека. Настоятеля храма отца Николая, которого почитатели уважительно называли «батюшкой», а остальные просто «старым попом». Местный уроженец, без малого тридцать лет, он служил в родном селе, крестил и венчал односельчан, разбирал их тяжбы и ссоры, давал займы и прощал долги, учил растить урожай и детей, мирил и отпевал, а теперь беспомощно лежал с прострелянной ногой на носилках, которые несли четверо сыновей. Молча и смиренно. Понимая, куда и зачем несут своего отца. Будучи не в силах, что-либо исправить и желая хотя бы разделить с ним этот путь. Быть рядом до конца, а там, как Бог даст.

– Бежим! – не унимался друг. – Я знаю, как короче! Еще успеем!

Сережка бросил взгляд на приятеля, махнул рукой и нырнул в сумерки, чтобы спустя мгновение вынырнуть у соседского плетня. Пашка немного помедлил и метнулся за ним. Толи оттого, что детская обида засела глубоко в сердце, а, может, потому, что не хотел выглядеть слабоком.

Поляна, которую каратели выбрали для расправы, находилась в конце длинного и глубокого оврага, что, не спеша, с северной стороны огибал высокий и пространный мыс с каменной церковью, погостом и двумя древними, оплывшими от времени земляными валами.

Когда-то, давным-давно, здесь находилось древнее городище, с которого пошла родная для Пашки вятская сторона [17]. Так говорил дед Афанасий. Только Пашка не всему верил. Потому что тот много чего говорил. Например, о том, что придет время, и люди научатся летать по небу, как птицы, или, как ангелы, неожиданно исчезать и появляться в другом месте. Может, за сотню верст или даже сотню лет. Дед рассказывал, будто, однажды в молодости, когда он возвращался с Великой реки [18] и остановился на ночлег в Филейском монастыре [19], то собственными глазами видел, как один из старцев сначала неожиданно исчез, а затем столь же неожиданно появился на том же месте, но уже в сопровождении более молодого спутника [20].

Помнится, как, впервые услышав об этом, Сережка засмеялся, за что тут же получил от пашкиного отца подзатыльник. По-родственному. Без обид. Потому что смеяться над старшими нехорошо. Даже, если дед Афанасий и приврал. С той поры, стоило Пашке замечаться, Сережка не упускал случая поддеть друга.

Вот и на этот раз, едва они, цепляясь за кусты и корни деревьев, спустились в овраг и, увидев, над собой, в потемневшем небе, купол церкви с большим, позолоченным крестом, Пашка на секунду замешкался, друг не без ехидцы спросил:

– Че? Опять кого-то увидел? Ангела или летающего старца? А, может, зря мы ждем – старого попа уже кончили, и это его душа отлетела?

Сережка рассмеялся, но Пашка не обиделся. Почему-то ему стало страшно. Так, что свело живот и захотелось вернуться назад, домой. Пусть даже отец выпорот. Лишь бы мать не искала, не плакала. Довольно с нее старшего брата Петрухи, что уже месяц как пропал – вышел утром из дома и, не обмолвившись даже словом, куда и зачем пошел, исчез. Словно его и не было.

– Ты, как хочешь, а я пойду. Мне... это самое... надо... Потому что я...

Пашка попытался, было, объяснить товарищу, почему должен вернуться домой, но Сережка, которому ничуть не хотелось оставаться в ночном лесу одному, не дал ему договорить, задав вопрос, который, единственный, мог остановить друга.

– ... обосрался?

Какое-то время приятели стояли и молчали.

– Да, ну тебя! – махнул рукой Пашка и начал спускаться по склону оврага к поляне, очертания которой уже угадывались сквозь поредевшую листву.

Глава 4. Контра!

Вскоре друзья были на месте и, покрутившись пару минут среди кустов и деревьев, заняли позицию, с которой могли видеть все и всех, а их не видел никто. По крайней мере, так они думали.

Солнце окончательно село, и сумерки сгустились настолько, что, глядя на собравшихся людей, было трудно понять, кто здесь «каратели», а кто «зрители». Приглядевшись, Пашка насчитал всего лишь пять винтовок и подумал о том, что «зрители», которых было в разы больше, при желании легко могли бы освободить заложников. Но те лишь нервно переминались с ноги на ногу, курили самокрутки и напряженно молчали.

– Гляди! – одними губами прошептал Сережка и кивнул в темноту. – Одного уже привели!

В центре поляны чернела свежевырытая могила, около которой освященный пламенем костра сидел человек в подряснике. Он не был связан и казался случайным путником, который промозглым сентябрьским вечером проходил мимо, встретил знакомых и присел погреться. Это был отец Виктор, молодой священник, тридцати с небольшим лет, с копной кудрявых, черных как смоль волос, которого красноармейцы под конвоем привели из соседней Сидоровки.

Рядом с арестантом, также на земле, подогнув под себя подол, сидели молодая женщина и девочка примерно трех лет – его супруга и дочь, у которой в тот день были именины. В руках девочка сжимала большую красивую куклу, подаренную отцом. Неожиданно девочка повернулась, и пламя выхватило из тьмы ее заплаканное лицо. На мгновение Пашке показалось, что девочка заметила его, сидящего в кустах с другой стороны костра. Но это было невозможно. Девочка снова отвернулась и прижалась к маме, ища защиты и тепла.

– Видел? – прошептал Сережка.

– Что?

– Какая у нее кукла. Видел?

Пашка не ответил. Ему почему-то стало жаль девочку, и происходившее на поляне показалось какой-то дурной нелепицей, ошибкой, которую никак нельзя допустить, и в которой взрослые обязательно разберутся. Ведь на то они и взрослые!

– Контра! – выдохнул, почти прошипел друг, и Пашке снова, второй раз за вечер, стало страшно.

Между тем, слышались голоса, которые с каждой секундой становились все ближе и ближе. Только тогда друзья заметили, что стоят в двух шагах от тропы, по которой, минуто спустя, четверо сыновей внесли на носилках на поляну отца Николая. Их постоянно подгоняли конвоиры, такие же молодые ребята, ровесники, красноармейцы, с винтовками на перевес, спешащие так, словно им тем вечером предстояло переделать еще немало дел. Фигура одного из конвоиров показалась Пашке знакомой, и, когда он вгляделся в его лицо, то не поверил своим глазам. Это был Петруха, старший брат! «Так вот с кем он теперь!» – подумал Пашка и, чтобы брат его не заметил, отступил на шаг назад, в чащу леса.

За носилками на поляну, подобно сошедшему с горы оползню, с шумом влилась толпа и быстро заполнила пространство, выкрасив его в серый мышиный цвет. Где-то в ней должен был находиться отец, пытаясь разглядеть которого, Пашка привстал и, вытянув шею, увидел то, на что десятилетнему парнишке никак нельзя было смотреть.

В тот момент, когда сыновья проносили отца Николая мимо выкопанной ямы, комиссар, без каких-либо объяснений и пламенных речей о победе мировой революции, со всей дури, пнул сапогом в край носилок и перевернул их так, что лежавший на них священник свалился в яму. Превозмогая боль, отец Николай попробовал подняться, но комиссар выбросил вперед руку с наганом и нажал на курок. Грянул выстрел. Священник упал в могилу. Эхо от выстрела

раскатилось по поляне и, отразившись от деревьев, за одним из которых прятались друзья, вместе со стаей перепуганных птиц резко взмыло вверх и улетело за реку, чтобы спустя пару мгновений вернуться назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.